

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Записка объ ученыхъ трудахъ профессора Федора Ипполитовича Щербатского.

Особое вниманіе нашей Академіи къ изученію Дальняго Востока и тѣсно связанной съ нимъ старинными культурными отношеніями Индіи отмѣчается за все время существованія Россійской Академіи Наукъ. При великомъ ея основателѣ мы видимъ, что тибетскія рукописи остановили на себѣ его вниманіе и послужили затѣмъ матеріаломъ для научной работы въ Академіи. Первый академикъ востоковѣдъ Байеръ былъ главнымъ образомъ заинтересованъ Дальнимъ Востокомъ; XVIII вѣкъ далъ рядъ переводовъ китайскихъ книгъ, изданныхъ Академіей. Въ XIX вѣкѣ мы имѣемъ имена Ленца, Шмидта, Бетлинга, Шифнера, Васильева, рядъ трудовъ академиковъ и постороннихъ ученыхъ по Дальнему Востоку и Индіи, имѣемъ два санскритскихъ словаря, извѣстныхъ въ наукѣ какъ «Петербургскіе словари», серію буддійскихъ текстовъ «Bibliotheca Buddhica» и многочисленныя отдѣльныя изданія и статьи.

Въ настоящее время послѣ крупнѣйшихъ пріобрѣтеній въ области рукописей, ксилографовъ и древностей Дальняго Востока и Индіи, сдѣланныхъ академическими Музеями въ послѣднія два десятилѣтія, еще болѣе укрѣпилась почва въ Академіи для научныхъ изысканій въ этихъ областяхъ. Поэтому является вполне понятнымъ, почему послѣ кончины В. В. Радлова представители востоковѣднія въ Отдѣленіи остановили свое вниманіе на ученомъ, посвятившемъ себя изученію буддійской культуры въ Индіи и на Дальнемъ Востокѣ и являющемся однимъ изъ первыхъ авторитетовъ нашего времени въ области индійской философіи и литературы Тибета.

Федоръ Ипполитовичъ Щербатскій родился 19 сентября 1866 г. въ Кельцахъ, гдѣ служилъ его отецъ; въ 1884 г. окончилъ курсъ гимназіи въ Царскомъ Селѣ и поступилъ въ С.-Петербургскій Университетъ на Историко-Филологическій Факультетъ. Въ Университетѣ научные интересы Федора Ипполитовича довольно быстро выяснились, онъ началъ слушать лекціи по языковѣдѣнію и по санскриту у И. П. Минаева, а во время командировки И. П. Минаева въ Бирму занимался санскритомъ съ ученикомъ его С. О. Ольденбургомъ. Вліяніе Минаева, какъ человѣка и какъ ученаго, опредѣлило для Федора Ипполитовича окончательно путь, по которому

онъ рѣшилъ итти, онъ погрузился въ языкознаніе и спеціально занялся, кромѣ того, санскритскимъ языкомъ. Къ этому времени наступаетъ переломъ въ самомъ языкознаніи и начинается выдвигаться принципъ необходимости сравнительнаго, болѣе углубленнаго изученія отдѣльныхъ языковъ, такъ называемый филологическій принципъ, въ противоположеніе чисто лингвистическому, при которомъ спеціалистъ сравнивалъ большое количество языковъ, но не изучалъ спеціально и углубленно отдѣльные языки. Въ эти годы въ Петербургскомъ Университетѣ былъ блестящій представитель этого направленія германистъ *Θ. А. Браунъ*, у котораго *Θедоръ Ипполитовичъ* прослушалъ подробные курсы готскаго, древне-сѣвернаго, англо-саксонскаго и древне-верхне-нѣмецкаго; вмѣстѣ съ тѣмъ у профессора *И. В. Ягича* онъ прослушалъ курсы церковно-славянскаго и сербо-хорватскаго языковъ, продолжая и занятія санскритомъ, который его особенно увлекалъ совершенствомъ своего построенія. Блестящіе успѣхи *Щербатскаго* въ языкознаніи обратили на себя вниманіе факультета, и въ 1889 г., когда онъ сдалъ экзаменъ на кандидата, по представленіи диссертациі на тему: «О двухъ рядахъ гортанныхъ въ индо-европейскихъ языкахъ», онъ былъ оставленъ при Университетѣ для подготовки къ профессурѣ. Профессоръ *И. П. Минаевъ*, руководившій его занятіями, усиленно поддерживалъ интересъ *Θедора Ипполитовича* къ санскриту, и поэтому, когда поднялся вопросъ о поѣздкѣ за границу для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія, то выборъ палъ на *Вѣну*, гдѣ въ то время лекціи по санскриту и индологіи вообще читалъ профессоръ *Г. Бюлеръ*, проведеншіи 17 лѣтъ въ Индіи и поставившій преподаваніе санскрита на совершенно новую основу, обезпечивъ ему роль самостоятельнаго предмета, а не только подчиненной языкознанію дисциплины, какъ то было раньше. Всѣмъ востоковѣдамъ хорошо извѣстно, какое исключительное значеніе въ исторіи индійской филологіи имѣлъ профессоръ *Бюлеръ*, и какъ замѣчательно была поставлена работа въ его семинаріи. Прохожденіе такой школы давало молодому инданисту совершенно особенныя преимущества. Основная особенность преподаванія и школы профессора *Бюлера* состояла въ томъ, что они являлись примѣненіемъ къ европейской научной работѣ методовъ индійской науки. Индійскіе ученые дѣлятся по спеціальностямъ, изучая опредѣленную шастру, научную трактовку предмета въ какой-нибудь научной области, или нѣсколько шастръ, послѣднее рѣже, въ виду сложности и обширности изслѣдуемыхъ матеріаловъ. Въ основѣ всего лежитъ знаніе главнаго орудія индійской научной работы и языка — санскрита. Безъ точнаго, глубокаго и отчетливаго знанія санскрита немыслима плодотворная работа въ области индійской филологіи, вотъ почему туземное преподаваніе обращаетъ такое исключительное вниманіе на языкъ. По этому же пути пошелъ и профессоръ *Бюлеръ*, требуя отъ своихъ учениковъ спеціализаціи по какой-нибудь шастрѣ.

Θедоръ Ипполитовичъ Щербатскій первоначально избралъ своею спеціальностью индійскую поэтику, какъ дающую особенное пониманіе не только языка, но и пользованія этимъ орудіемъ индійцами. Поэтика—*alapkāga* даетъ возможность выникнуть чрезвычайно глубоко въ особенности индійскаго ума и его привычки къ

систематизації і схематизації, котрими так порожують насъ у народа съ столь яркою и исключительно сильною фантазією. Федоръ Ипполитовичъ этими занятіями заложивъ прочный фундаментъ для послѣдующихъ занятій по индійской философіи, въ которыхъ именно благодаря ближнему знакомству съ alamkāra онъ и могъ достичь тѣхъ круцийшихъ результатовъ, о которыхъ мы скажемъ далѣе.

По чисто теоретическія занятія alamkāra не могли еще дать того углубленнаго пониманія индійскаго духа и индійской мысли, которыхъ искалъ Федоръ Ипполитовичъ и которыхъ всегда добивался у своихъ учениковъ профессоръ Бюлеръ. Изъ семинарскихъ работъ 1896 года у этого замѣчательнаго ученаго и педагога возникъ трудъ, который сразу упрочилъ за молодымъ ученымъ извѣстность, какъ знатока и языка и поэтической шастры.

Выборъ учителя и ученика палъ на поэтическое произведеніе, весьма позднее, принадлежащее третьестепенному поэту, но именно во многихъ отношеніяхъ высоко поучительное, ибо, какъ правильно указалъ издатель, оно давало весь apparatus poëticus, предписанный теорією для истиной поэмы — «mahākāvya». Научное значеніе текста «Naiheyudhasarita», несмотря на то, что онъ не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ, увеличивалось еще тѣмъ, что имѣлся комментарий на него, написанный самимъ авторомъ, случай рѣдкій въ индійской поэзіи; это особенно удачное стеченіе обстоятельствъ давало возможность заглянуть особенно глубоко въ самую суть построенія поэмы, такъ какъ авторъ въ комментарий подробно говоритъ о томъ, что онъ имѣлъ въ виду дать, и мы такимъ образомъ имѣемъ возможность провѣрить практически указанія комментаторовъ относительно другихъ поэтовъ, которымъ они приписываютъ тѣ или другія построенія, и тѣмъ помочь и болѣе правильной оцѣнкѣ столь важныхъ для пониманія санскритскихъ текстовъ комментаторовъ. На этой позмѣ можно было прослѣдить и пагубное вліяніе слишкомъ развитой теоріи поэтики, которая естественно убивала въ Индіи поэтическое творчество. Издатель воспользовался своимъ текстомъ, чтобы и съ этой стороны высказать рядъ цѣнныхъ, опирающихся на факты соображеній по исторіи индійской поэзіи. Законченъ былъ трудъ лишь послѣ смерти учителя, профессора Бюлера, и издателю оказалъ свое содѣйствіе профессоръ Якоби, съ которымъ Федоръ Ипполитовичъ въ теченіе ряда лѣтъ работалъ какъ въ области поэтики, такъ и философіи, выбравъ себѣ въ этой дисциплинѣ шастрою пуѣа-логику. Свои занятія поэтикою, которую Федоръ Ипполитовичъ продолжалъ интересоваться и среди другихъ работъ, онъ довершилъ цѣнной статьей: «Теорія поэзіи въ Индіи». Въ этой статьѣ, основанной на широкомъ знакомствѣ съ литературою предмета, онъ особенно остановился на ученіи о «dhvani» — внутреннемъ скрытомъ смыслѣ, который такъ блестяще и глубоко былъ развитъ замѣчательнымъ человекомъ, жившимъ, повидимому, въ IX вѣкѣ и даже не оставившимъ потомству своего имени, такъ что ученіе его, истолкованное въ подробныхъ комментаріяхъ, извѣстно намъ подъ именами двухъ талантливыхъ комментаторовъ Ānandavardhana и Abhinavagupta. Федоръ Ипполитовичъ правильно указалъ на ту свѣжую сірую въ пониманіи поэзіи, которую внесло ученіе о dhvani, но и ему пришлось признать,

что учение это пришло уже послѣ вѣка великихъ поэтовъ и не смогло вызвать въ Индіи новаго поэтическаго творчества.

Изучая специально санскритъ и индійскую поэтику, Щербатской не сразу разстался однако съ языкознаніемъ, а даже занимаясь усиленно и специально санскритомъ у профессора Бюлера, слушалъ лекціи: у профессора Ягича по славянскимъ языкамъ; по романскимъ языкамъ у профессора Мейеръ-Любке, а по общему языкознанію и истолкованію ведическихъ гимновъ у профессора Ф. Мюллера, такъ какъ въ то время, какъ даже иногда и теперь, чтеніе лекцій по Ведамъ велось и ведется не санскритистами, а языковѣдами, примыкая въ этомъ отношеніи ближе къ лингвистикѣ, чѣмъ къ санскритологін.

Несмотря на громадную работоспособность Щербатского и его исключительныя способности въ изученіи языковъ, онъ скоро увидѣлъ, что для успѣха въ научной работѣ приходится неизбѣжно выбирать между языкознаніемъ и санскритомъ. Обаяніе профессора Бюлера, какъ научнаго руководителя, и увлеченіе санскритомъ и индійскою поэзіею и поэтикою скоро рѣшили дѣло, и Щербатской сдѣлался, какъ мы указали, санскритистомъ; правда, онъ и впослѣдствіи не терялъ интереса къ вопросамъ лингвистики, но изъ всѣхъ его изданныхъ работъ лишь одна посвящена вопросу лингвистическому. Это вопросъ, занимавшій сравнительныхъ грамматиковъ индоевропейскихъ языковъ въ первый періодъ развитія сравнительнаго языкознанія и вновь обратившій на себя въ послѣднее время вниманіе языковѣдовъ. Такъ какъ намъ болѣе не придется говорить о языковѣдныхъ работахъ Теодора Ипполитовича, то мы здѣсь же коснемся этой работы, хотя она и относится къ гораздо болѣе позднему времени. Она озаглавлена: «Опредѣлители корней въ тибетскомъ языкѣ», относится къ области т. н. «анатоміи» корней и цѣнна какъ попытка сблизить явленія изъ области языковъ не индоевропейскихъ съ аналогичными явленіями въ области индоевропейской. Такія попытки важны тѣмъ, что расширяютъ постановку вопросовъ языкознанія, которые вотъ уже давно точно монополизированы специалистами языковъ индоевропейскихъ. Щербатской даетъ рядъ цѣнныхъ указаній на корни-частицы, имѣвшія, вѣроятно, нѣкогда самостоятельное значеніе, но утратившія его и исполняющія служебную роль по отношенію къ корнямъ самостоятельнымъ; въ этихъ частицахъ Щербатской и видитъ предшественницъ коренныхъ опредѣлителей. Насколько плодотворны такіе экскурсы за предѣлы индоевропейскаго языкознанія, явствуетъ и изъ заключительнаго примѣчанія къ статьѣ, гдѣ Теодоръ Ипполитовичъ, опираясь на сообщеніе академика П. К. Коковцова, указываетъ на аналогичный вопросъ объ опредѣлителяхъ корней и въ области семитическихъ языковъ.

Эти работы и занятія, которыя позволяютъ говорить о Теодорѣ Ипполитовичѣ въ это время, какъ объ уже вполне опредѣлившемся ученомъ, и которыя дали ему имя въ кругу специалистовъ, были однако въ его личномъ пониманіи его научныхъ задачъ лишь подготовительными, и онъ считалъ необходимымъ расширить индологическую базу своихъ занятій. Кромѣ шастры поэтики, о которой мы говорили, онъ подъ руководствомъ Бюлера изучалъ грамматику по туземной системѣ Паини и читалъ

и некоторые философские тексты. Самъ Бюлеръ не увлекался ни грамматикой, ни философией, а былъ по преимуществу историкомъ. Онъ боролся съ распространеннымъ въ то время и даже почти общепринятымъ представлениемъ объ антиисторическомъ направленіи индійцевъ и многимъ равнодушіемъ ихъ къ исторіи. Бюлеръ указывалъ и на громадный историческій матеріалъ надписей, и на историческія поэмы, и на обширный историко-культурный матеріалъ, заключенный въ богатѣйшихъ археологическихъ памятникахъ, которыми полна Индія, и которые только потому какъ будто ины, что никто ими настоящимъ образомъ не занимается. Бюлеру принадлежитъ громадная заслуга, что индійскую эпиграфику и археологію онъ вывелъ изъ стадій любительства и сдѣлалъ изъ нея строго научную дисциплину. Но поскольку онъ въ отношеніи къ шастрѣ имѣлъ громадное вліяніе на научное развитіе Щербатского, настолько же онъ мало повліялъ на него въ области изученія исторіи. Правда, Щербатской издавъ со всею акрѣбіею эпиграфиста надпись царя Śilāditya II (VII в.) и показалъ себя достойнымъ ученикомъ профессора Бюлера, но самъ онъ явно смотрѣлъ на эту работу лишь какъ на методологическое упражненіе, не болѣе. Чисто историческія изысканія мало его интересовали. Его умъ, увлекавшій его въ сторону широкихъ и глубокихъ философскихъ обобщеній, не отвлекался въ сторону тѣхъ историческихъ построеній, которыя стремятся установить ходъ преемственности явленій и самую эту преемственность. Для него было всегда важнѣе то, что создано. Это же въ сущности ходъ развитія и въ индійскихъ шастрахъ. Припомнимъ, что въ Индіи часто не сохранилось даже имени, тѣмъ болѣе даты того, кто впервые высказалъ ту или другую идею, легшую затѣмъ въ основу цѣлаго ученія. Еще недавно, во введеніи къ изданію одного текста Щербатской бросилъ упрекъ, далеко впрочемъ не несправедливый, въ увлеченіи индійской филологині открытіями древностей Восточнаго Туркестана, которое стало, какъ онъ проницательно говоритъ — «научною модою». Ѳеодоръ Николитовичъ привѣтствуетъ эти открытія почти лишь постолько, поскольку они содѣйствовали изданію и переводу буддійской шастры, знаменитаго философскаго трактата Васубанду Абидармакоша, «ибо, говоритъ онъ, Коша Васубанду — шастра, а что такое шастра, когда она построена великимъ индійскимъ мыслителемъ, и какъ ее развиваютъ его послѣдователи, хорошо извѣстно, и какъ о примѣрѣ шастры стоитъ только вспомнить грамматическую шастру Панини, Катаяны и Патанджали». Съ этимъ глубоко индійскимъ пониманіемъ шастры Щербатской вернулся въ 1893 году на родину, пройдя такую научную школу въ своей специальности, какую рѣдко кому удастся пройти. Въ этой школѣ онъ приобрѣлъ ту строгую методичность научной работы, которая отличаетъ не только его личные труды, но является основой его университетскаго преподаванія, гдѣ онъ умѣетъ внушить ее своимъ ученикамъ.

Годы 1893—1900, по независѣвшимъ отъ Ѳ. Н. Щербатского причинамъ, отвлекли его отъ интенсивной и систематической научной работы: мы видимъ его въ это время сельскимъ хозяиномъ, земскимъ гласнымъ, земскимъ начальникомъ, уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Занимаясь общественной дѣятельностью и сель-

скимъ хозяйствомъ, Федоръ Ипполитовичъ не переставалъ однако слѣдить за литературой своего предмета, пока, наконецъ, послѣ поѣздки на Римскій Конгрессъ Ориенталистовъ въ 1900 г. и занятій въ Боннѣ у профессора Якоби не вернулся окончательно къ Индіи, изученіе духовной культуры которой съ этого времени стало окончательно цѣлью его жизни.

Въ профессорѣ Якоби Щербатской нашель ученаго, особенно близкаго ему по духу и котораго онъ прекрасно охарактеризовалъ, косвенно характеризуя этимъ и себя; я, поэтому, приведу здѣсь его подлинныя слова: «Направленіе, говоритъ онъ, возглавляемое профессоромъ Якоби въ индійской филологіи, восходитъ въ общемъ къ тому же, что составляло оригинальность профессора Бюлера, т. е. высокая оцѣнка и преобладающее значеніе, придававшееся имъ индійской туземной учености. Разница состояла въ томъ, что для профессора Бюлера значеніе индійскихъ наукъ было лишь средствомъ для историческихъ и литературныхъ изслѣдованій, тогда какъ у профессора Якоби исторія отходитъ на второе мѣсто, центръ вниманія направляется на эти науки, онъ становится объектомъ изученія сами по себѣ. Чѣмъ болѣе раскрывается богатство ихъ содержанія, тѣмъ глубже становится ихъ интересъ. Европейская наука, къ большому своему ущербу, долгое время смотрѣла на индійскую ученость свысока, предполагая, что совершенствомъ своего критическаго метода она легко оставитъ за флагомъ традиціонное знаніе туземныхъ ученыхъ. Но оказалось, что совершенство метода далеко не всегда обезпечиваетъ вѣрность результата. Въ связи съ этимъ профессоръ Якоби любилъ повторять афоризмъ, что главное въ наукѣ есть пониманіе, разумѣя подъ этимъ, что туземная традиція, для которой своя литература является живымъ достояніемъ, можетъ дать намъ часто гораздо больше, чѣмъ самый совершенный, но сухой методъ иностранца». Въ связи съ этими занятіями индійской поэтикой и была написана упомянутая выше статья «Теорія поэзій въ Индіи» (1902) и намѣченъ былъ рядъ переводовъ съ санскритскихъ текстовъ по поэтикѣ: Федоръ Ипполитовичъ всегда держался и держится того взгляда, что пониманіе текста можно обнаружить не столько его изданіемъ и изслѣдованіемъ, сколько переводомъ, при которомъ, перелагая чужія понятія въ слова родного языка, выясняешь, какимъ именно нашимъ понятіямъ отвѣчаютъ эти чужія понятія.

Но все эти работы должны были уступать мѣсто тѣмъ изслѣдованіямъ, которыя стали основою ученыхъ занятій Федора Ипполитовича, а именно, изслѣдованіямъ индійской и спеціально буддійской философіи. Онъ всегда говорилъ, что по его глубокому убѣжденію именно въ философіи и лежитъ главный и глубокий смыслъ индійской культуры. «Достиженія ея въ области астрономіи, математикѣ, медицинѣ, говорятъ Федоръ Ипполитовичъ, велики, замѣчательны въ области права, восхитительны въ области поэзій, единственны въ области поэтическаго творчества, но въ области философіи и религіи лежитъ центръ наивысшихъ ея достиженій. Религіи въ Индіи связана всегда съ опредѣленной философскою системою, между ними нѣтъ того противоположенія и вражды, которыя часто возникали въ Европѣ. Разработанная до мельчайшихъ подробностей философская система даже часто предшествуетъ

въ Индіи ея облеченію въ религію, обращающуюся къ народнымъ массамъ. На это обстоятельство не было достаточно обращено вниманія, и это до известной степени задерживало прогрессъ изученія».

Получивъ въ школахъ профессоровъ Бюлера и Якоби подготовку въ смыслѣ знакомства со стилемъ и методомъ индійскихъ наукъ вообще, Феодоръ Ипполитовичъ направилъ свою работу естественно въ ту сторону, которая была предудказана географическимъ положеніемъ нашего отечества, содѣйствомъ съ буддѣйскимъ міромъ и богатствомъ нашихъ книжныхъ собраній въ этой области. Что касается спеціально буддизма, то въ европейской наукѣ, въ томъ направленіи, которое было ей придано профессорами Бюлеромъ и Якоби, существовалъ предвзятый взглядъ на второстепенное значеніе этой религіи, по сравненію съ брахманизмомъ. Наука стала смотрѣть на буддизмъ глазами какъ бы брахманистовъ, и это мнѣніе оправдывалось отчасти тѣмъ, что представляютъ собою остатки буддизма на Цейлонѣ и въ Бирмѣ. Литература егѳ по богатству и разнообразію далеко не выдерживаетъ сравненія съ брахманизмомъ, и глубокая и интересная философская система, составляющая его, такъ сказать, научную подкладку, страшнымъ образомъ, оставалась внѣ поля зрѣнія ученыхъ, до самаго послѣдняго времени, когда на нее указалъ нашъ ученый О. О. Розенбергъ. Между тѣмъ, многія данныя указывали на то, что была длинная эпоха въ исторіи индійской образованности, предшествовавшая тому времени, когда буддизмъ выступилъ сильнымъ и удачнымъ конкурентомъ брахманизма и занялъ руководящее мѣсто въ индійской культурной жизни. Феодоръ Ипполитовичъ началъ съ изученія единственнаго, напечатаннаго, хотя и въ плохомъ изданіи, санскритскаго текста — учебника логики буддѣйскаго философа Дармакирти. Изученіе его скоро привело Феодора Ипполитовича къ убѣжденію, что логика излагается имъ въ связи съ теоріей познанія, доведена до высокой степени совершенства, резюмируетъ собою все предшествующее развитіе, что вообще въ лицѣ Дармакирти мы имѣемъ, такъ сказать, индійскаго Канта, какъ по мѣсту, занимаемому въ исторіи философіи Индіи, такъ и по глубинѣ и совершенству созданной имъ системы. Дармакирти Феодоромъ Ипполитовичемъ посвящено двѣ книги, изъ которыхъ одна содержитъ общее введеніе, переводъ и толкованіе его логическаго сочиненія, а другая — систематическое изложеніе его системы, сравнительно съ предшествовавшими и послѣдовавшими буддѣйскими и брахманскими системами. Изученіе Дармакирти бросило свѣтъ на предшествовавшее развитіе, гдѣ съ буддѣйской стороны выдвигались, какъ великіе ученые, Васубанду и Диннага.

Такъ какъ вся эта литература сохранилась въ образцовыхъ тибетскихъ переводахъ, то естественно Щербатскому пришлось расширить базу своей научной работы и захватить въ нее и тибетскую литературу и языкъ. Онъ отлично сознавалъ, что, не выходя изъ Индіи и не передвигая санскритской базы своей научной работы, ему хватало бы съ избыткомъ дѣла на всю жизнь. Но таковъ былъ интересъ открывшагося изслѣдователю періода индійской образованности, что Феодоръ Ипполитовичъ рѣшилъ ограничить сферу своихъ знаній въ области древней Индіи и за-

хватить, вмѣсто того, часть Тибета и Монголіи. Другимъ слѣдствіемъ изученія Дармакирти было создавшееся въ Оедорѣ Ипполитовичѣ научное убѣжденіе, что, хотя высшимъ образомъ буддизмъ и исчезъ съ индійскаго материка, однако вліяніе его замѣтно на каждомъ шагѣ въ послѣдующей брахманской образованности, которая вся какъ бы пропитана минувшимъ творчествомъ буддистовъ и не можетъ быть понята безъ знанія этой стороны. Переживъ буддизмъ, брахманизмъ какъ бы остановился въ своемъ развитіи, равно какъ и буддизмъ, перейдя въ Тибетъ и Монголію, болѣе уже существенно не измѣнился.

Такимъ образомъ, изученіе буддійской философіи, ея содержанія и историческаго развитія захватываетъ собою, такъ сказать, два филологическихъ сектора, изъ которыхъ одинъ составляетъ часть индологін, а другой обнимаетъ Тибетъ, Монголію и Китай съ Япошіей. Это развитіе, начавшись еще въ ведическую эпоху индійской образованности, постепенно росло и достигло своей кульминаціонной точки въ личности великаго Дармакирти. Затѣмъ, какъ зрѣлый плодъ, оно перенеслось въ страны Сѣвернаго Буддизма, гдѣ въ общихъ чертахъ продолжаетъ и нынѣ жить въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ было первоначально перенесено изъ Индіи. Такимъ образомъ, для дальнѣйшаго изученія этого предмета предстояло познакомиться съ состояніемъ индійской и тибетской образованности въ самой Индіи и Тибетѣ. Для этой цѣли Оедоромъ Ипполитовичемъ были предприняты два путешествія, въ Индію и въ Монголію. Съ особенно глубокимъ чувствомъ научнаго удовлетворенія онъ вспоминаетъ о своемъ индійскомъ путешествіи. Оно дало ему возможность, въ виду неподвижности индійскаго уклада жизни, какъ бы перенестись на 1000 лѣтъ назадъ и прожить почти годъ въ тѣхъ самыхъ условіяхъ и въ томъ кругѣ людей и понятій, въ какихъ, вѣроятно, жили великіе творцы блестящей эпохи расцвѣта индійской философіи. Среди индо-брахманскихъ эпигоновъ буддизма центральное мѣсто занимаетъ Vasaratimīra, великій ученый эклектикъ, съ одинаковымъ безпристрастіемъ и блескомъ изложившій всѣ главнѣйшія системы брахманизма въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ оказались послѣ сильнѣйшаго вліянія, оказаннаго на нихъ буддизмомъ. Переводъ и анализъ этихъ сочиненій долженъ служить краеугольнымъ камнемъ того фундамента, на которомъ окажется возможнымъ создать исторію индійской философіи. Изъ нихъ два Nyāyakaṭikā и Tatparyatīkā у Оедора Ипполитовича уже готовы, и печатаніе ихъ можетъ быть уже начато. Что касается тибетскаго сектора очерченной науки, то тутъ также путемъ путешествія и знакомства съ выдающимися учеными ламами Оедору Ипполитовичу удалось ознакомиться съ положеніемъ индо-тибетской культуры въ этихъ странахъ, при чемъ онъ также склоняется къ убѣжденію, что укладъ жизни тибетскихъ и монгольскихъ монастырей, въ томъ, что касается дисциплины и изучаемыхъ отраслей знанія, въ общемъ не измѣнился, и, изучая современное ихъ состояніе, мы непосредственно погружаемся въ индійскую образованность VII вѣка.

Изъ намѣченныхъ и уже осуществленныхъ отчасти работъ на первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ полное изданіе всѣхъ сочиненій Дармакирти, ихъ переводъ и анализъ.

Изданы и переведены Федоромъ Ипполитовичемъ Nyūyabindu и Saṃtānāntarasiddhi, подготавливается Saṃbandhapaṅkṣā и Pramāṇavārtikā. Изъ предшествующей литературы много труда Федоромъ Ипполитовичемъ посвящено сочиненію Васубанду Abhidharma-kośa. Переводъ этого сочиненія отчасти уже готовъ, и можно будетъ приступить къ его печатанію, какъ только обстоятельства издательскаго дѣла это допустятъ. Въ связи съ предпріятымъ приватъ-доцентомъ О. О. Розенбергомъ переводомъ другого сочиненія того же автора, это составитъ надежный фундаментъ для изученія буддійской философіи въ критическій моментъ перехода ея отъ реализма къ идеализму. Независимо отъ этой главной задачи, Федоромъ Ипполитовичемъ попутно задѣты были и нѣкоторыя второстепенныя задачи. Такъ, довольно много времени положено было на знакомство съ исторіей буддизма въ Индіи и Тибетѣ ученаго Будона-Рим-бо-чэ. Результатомъ этого изученія явилась отчасти статья: *La littérature Yogācāra d'après Bouston*, помѣщенная въ *Muséon* за 1906 г., а также сдѣланное по просьбѣ профессора Такакусу извлеченіе изъ того же автора о литературѣ школы Сарваствивадиновъ по Абидармѣ. *Journ. of the Pāli Text Society 1905 г.*

Таковымъ представляется въ общихъ чертахъ ходъ развитія научныхъ стремленій и научныхъ работъ Ф. И. Щербатского; необходимо еще остановиться на томъ, какъ имъ были осуществлены эти стремленія, и каковы методы его работы. Прежде всего мы видимъ строгую планомѣрность его научныхъ изысканій: уяснивъ себѣ ходъ развитія индійской философіи, онъ беретъ основныя сочиненія, изучаетъ ихъ и затѣмъ издаетъ и переводитъ. Мы видимъ, что списокъ его работъ не великъ по количеству номеровъ, это понятно: у Федора Ипполитовича мало статей, онъ пишетъ книги, онъ терпѣливо изъ года въ годъ работаетъ надъ однимъ текстомъ и только, когда онъ ему совершенно ясенъ, онъ издаетъ и переводитъ его. Превосходное знаніе тибетскаго языка позволило ему использовать удивительный вспомогательный и контрольный аппаратъ, который представляютъ собою тибетскіе переводы санскритскихъ оригиналовъ, часто безвозвратно потерянныхъ или пока еще не разысканныхъ. Эти переводы представляютъ собою плодъ изслѣдовательской работы переводческихъ комиссій изъ знатоковъ буддизма, санскрита и тибетскаго языка, и потому понятно, какое громадное они имѣютъ значеніе. Богатство петроградскихъ библіотекъ и спеціально Азіатскаго Музея тибетскими книгами дало въ руки Федора Ипполитовича исключительный по цѣнности матеріалъ, широко имъ использованный.

Книгу за книгою Федоръ Ипполитовичъ обрабатываетъ памятники индійской философіи, при чемъ его переводы, тщательно комментированные, являются настоящими изслѣдованіями, ибо въ отличіе отъ многихъ переводчиковъ онъ считаетъ себя обязаннымъ не оставлять не раскрытымъ ни одного философскаго термина и тамъ, гдѣ, какъ и въ нашихъ языкахъ, однимъ и тѣмъ же словомъ передаются въ зависимости отъ контекста разные термины, онъ предваряетъ переводъ долгимъ изслѣдованіемъ, необходимымъ для установленія терминологіи. Всякій, кому приходилось работать въ области философіи, пойметъ всю трудность, сложность и важность подобнаго труда, такъ какъ отъ него зависитъ и правильное изданіе и толкованіе

текста, который поступает в руки специалистов философов, не знающих языка оригинала. Мы вправе сказать, что только теперь, с работами *Θ. И. Щербатского*, изучение буддийской философии, имевшей столь исключительное значение для развития индийской философии, стало на твердую научную базу, и что имена великих буддийских философов *Дармакирти*, *Диннаги*, *Васубанду* перестали быть лишь именами, а сделались определенными понятиями. *Θеодор Ипполитович* не только работал лично, но и как преподаватель в Университетѣ проводил среди молодых специалистов по Дальнему Востоку свои методы работы и свои идеи; его благотворное влияние уже сказалось на некоторых из них, а одному из них, *О. О. Розенбергу*, мы обязаны выдающимся изслѣдованіемъ «Проблемы буддийской философии». Но не на одних наших молодых ученых сказалось научное влияние *Θеодора Ипполитовича*, мы можем с чувством глубокаго удовлетворения установить, что влияние работы *Θеодора Ипполитовича* надъ буддийскою философіею сказалось даже на его учителяхъ, профессорахъ *Бюлерѣ* и *Якоби*, которые несомнѣнно подъ влияніемъ новаго научнаго матеріала, открытаго и изслѣдованнаго *Θ. И. Щербатскимъ*, изменили въ значительной мѣрѣ свое старое «брахманское» отношеніе къ буддизму, какъ явленію второстепенному въ культурѣ Индіи. Имъ и другимъ индологамъ пришлось убѣдиться, что именно въ центрѣ индийской культуры, ея философіи, буддизмъ занялъ исключительное мѣсто, и что брахманская философія послѣ буддизма стала иною, испытать на себѣ въ широкой мѣрѣ его влияние.

Та широкая постановка, которую *Θ. И. Щербатской* далъ своимъ работамъ по индийской философіи, позволяетъ намъ сказать, что онъ занялъ въ индологіи и тибетологіи по праву одно изъ выдающихся мѣстъ. Его личное знакомство съ Востокомъ (въ 1900 г. онъ былъ въ Монголіи, въ 1910 г. въ Индіи), работа на мѣстахъ съ туземными философами индійскими, тибетскими, монгольскими сделали еще болѣе обоснованными его знанія и позволили ему особенно глубоко проникнуть въ духъ буддийской философіи, такъ какъ на Востокѣ преданіе особенно устойчиво.

Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ *Θ. И. Щербатской*, который съ 1910 г. состоитъ нашимъ членомъ-корреспондентомъ, дѣятельно участвуетъ въ научной работѣ Академіи, особенно какъ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ «*Bibliotheca Buddhica*».

Все вышесказанное побуждаетъ нижеподписавшихся, съ согласія Президента Россійской Академіи Наукъ, предложить члена-корреспондента Академіи, ординарнаго профессора Петроградскаго Университета *Θеодора Ипполитовича Щербатского* въ ординарные академики по Литературѣ и Исторіи Азіатскихъ Народовъ.

18 сентября 1918 г.

Сергій Ольденбургъ.

И. Коковцовъ.

Н. Марръ.

В. Бартольдъ.

Списокъ научныхъ работъ профессора **В. И. Щербатского.**

- 1) Über das Haihayendracarita des Harikavi. Исследование, санскр. текстъ и немецкій переводъ. Mémoires de l'Académie Imp. des Sc. de St-Petersbourg. VIII Sér., T. IV, 1900.
- 2) The Lunsadī Plates of King Śilāditya II, Gupta Saṃvat 350. Epigraphia Indica, vol. IV, p. 74—81.
- 3) Теорія поэзи въ Индіи, ст. въ ЖМНП. 1902. Ч. 341, Июнь, Отдѣлъ II, стр. 299—329.
- 4) Логика въ древней Индіи, ст. въ ЗВОИРАО. XIV, 155—173.
- 5) Буддійскій философъ о единобожїи, *ibid.* XVI, 058—074.
- 6) Теорія познанія и логика по ученію позднѣйшихъ буддистовъ. Часть I, Учебникъ логики Дармакирти. Петроградъ, 1903 г. (Изд. Фак. Вост. Яз.).
- 7) Тоже, ч. II, Ученіе о воспрїятїи и умозаключенїи. Петроградъ, 1909 г. (Изд. Фак. Вост. Яз.).
- 8) Rapport entre la théorie bouddhique de la connaissance et l'enseignement des autres écoles philosophiques de l'Inde. Muséon, V, p. 171—214.
- 9) Notes de littérature bouddhique. La littérature Yogācāra d'après Bouston, *ibid.* VI, p. 144—155.
- 10) Voyage à Ourga. Compte-rendu sommaire. Mémoires du Comité russe pour l'exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient. *ibid.* VII, p. 1—10.
- 11) Опредѣлители корней въ тибетскомъ языкѣ. Сборникъ въ честь В. И. Ламанскаго. Ч. I. СПб. 1907. (Отд. отт. 1905 г.).
- 12) Статя «Индія» въ Энциклопедїи Мейера и Южакова.
- 13) Nyāyabindu и Nyāyabinduṭīkā. Тибетскій текстъ съ предисловіемъ и примѣчанїями. (Bibl. Bud. № VIII).
- 14) Nyāyabinduṭīkāṭīpraṇī. Санскр. текстъ. (Bibl. Bud. № XI).
- 15) Saṃtārlāntarasiddhi, соч. Дармакирти съ толкованїями Винятадевы и Дандар-лхарамбы. (Bibl. Bud. № XIX).
- 16) Nyāyabindu и Nyāyabinduṭīkā. Санскр. текстъ. (Bibl. Bud. № VII).
- 17) Abhidharmaśaṅkarīkā and bhāṣya. First kośasthāna. Тиб. переводъ. (Bibl. Bud. № XX).
- 18) Въ сотрудничествѣ съ проф. S. Lévi Abhidharmaśaṅkarīkā Sphuṭārthā. (Bibl. Bud. № XXI).
- (Выпускъ II печатается въ сотрудничествѣ съ проф. Wogihara).
- 19) Abhidharmaśaṅkarīkā and bhāṣya. Тибетскій переводъ, II глава (печатается).
- 20) Краткій Отчетъ о командировкѣ въ Индію. Изв. Р. К. для вѣст. С. и В. А. № 11, с. II, 1912 г.

21) Ученіе о категорическомъ императивѣ у Брахмановъ. Сб. М. А. и Э. Р. А. Н. т. V, 1918 г.

22) Памятники индійской философіи. Серія (печатаются): Т. I. Опроверженіе солипсизма. Введеніе и переводъ соч. Дармакирти *Samtāpāntarasiddhi*.

23) То же, т. II. Изслѣдованіе Долга (*Vidhiviveka*), соч. Манданамишры, съ толкованіемъ Вачаспатишишры. Переводъ съ санскр., съ введеніемъ о философіи Миманса (печатается).

24) То же, т. III. Учебникъ философіи буддизма, соч. Васубанду (*Abhidharmaśāstrīkā* и *bhāṣya*). Переводъ съ тибетскаго перевода. Часть I (печатается).

25) The soul theory of the Buddhists, ст. въ ИРАН. (печатается).

26) Выдержки изъ соч. Будона-Римбо-че «Исторія буддизма» вошли въ составъ статьи проф. Такакусу: On the Abhidharma literature of the Sarvāstivādins. J. of the Pāli text society, 1905 г.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Ноябрь 1918 г.

Непремѣнный Секретарь академикъ С. Ольденбургъ.